

С. Купп-Сазонов

О МЕТАФОРИЧЕСКОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ И ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ЭСТОНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья является продолжением публикации «Кто такие загадочные мы в русском и эстонском языках? (О переносном употреблении форм 1-го лица множественного числа)» [Купп-Сазонов 2020]. В данном исследовании в сопоставительном аспекте рассматриваются случаи метафорического употребления местоимений и глагольных форм 1-го, 2-го и 3-го лица ед. и мн. ч. в русском и эстонском языках. Из анализа исключены случаи, когда местоимения и соответствующие глагольные формы выражают обобщенно-личное или неопределенно-личное значения. В случае форм 1-го лица мн. ч. было выявлено, что в русском языке эта форма может в определенных контекстах «заменить» любые другие личные местоимения и соответствующие глагольные формы. В эстонском языке в этом отношении наблюдаются некоторые ограничения. Переносное употребление остальных форм 1-го, 2-го и 3-го лица ед. и мн. ч. также имеет некоторые различия в рассматриваемых языках. Так, в некоторых случаях метафорическое употребление конкретной формы, допустимое в одном языке, вообще не встречается в другом, иногда ограничения в употреблении возникают из-за контекста. Для не носителя языка подобные случаи могут создавать сложности в понимании собеседника, поэтому эти различия и ограничения следует учитывать при изучении языка, а также при переводе.

Ключевые слова: местоимения, лицо, число, переносное употребление, перевод, русский язык, эстонский язык.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-474-487

1. Введение

«Личные местоимения¹ характеризуют лица и предметы по их роли, которую они выполняют в речевом акте» [Шелякин 1986, 12]. Соответственно, местоимение 1-го лица ед. ч. указывает на говорящего² (1а/б), местоимения 2-го лица – на адресата (2а/б) или нескольких адресатов (3а/б), и местоимения 3-го лица – на не участников коммуникативного акта (4а/б; 5а/б).

(1а) – *Дай-ка я тебя поцелую, – нежно сказала девица, и у самых его глаз оказались сияющие глаза.* (М. Булгаков)

(1б) „Lase **ma suudlen** sind,“ ütles näitsik hellalt ning tema silmad lõid särava otse Varenuhha silmade ees.

(2а) – *Что ты говоришь, Азазелло?* – обратился он к молчащему Азазелло. (М. Булгаков)

(2б) „Mida sa ütlesid, **Azazello?**“ pöördus ta vaikiva Azazello poole.

(3а) – *Вы – писатели?* – в свою очередь, спросила гражданка.

(М. Булгаков)

(3б) „Kas **te olete kirjanikud?**“ päris naine omakorda.

(4а) *Через минуту она спала, и никаких снов в то утро она не видела.*

(М. Булгаков)

(4б) *Hetk hiljem ta juba **magas** ega näinud sel hommikul ühtki unenägu.*

(5а) *Вот группа Брокенских гуляк. Они всегда приезжают последними.* (М. Булгаков)

(5б) *Sealt tulebki see **kamp Brockeni päevavargaid. Nad tulevad alati viimastena.***

¹ О происхождении личных местоимений см. [Бабаев 2009].

² Э. Бенвенист дает следующее определение: «Я значит человек, который производит данный речевой акт, содержащий я» [Бенвенист 2002, 286]. Во мн. ч. местоимение 2-го лица указывает на нескольких лиц, включая говорящего.

Однако следует отметить, что личные местоимения выполняют эти роли только тогда, когда мы имеем дело с прямым (абсолютным) употреблением этих форм. При переносном употреблении³ картина становится намного сложнее и интереснее. Следует иметь в виду, что возможность (переносного) употребления конкретной формы лица зависит также от функционального стиля. Несомненно, научный или официально-деловой стили имеют более строгие правила, и наиболее «свободно» формы употребляются в художественной речи (более подробно об этом см. [Голуб 2002]), поэтому большинство примеров, анализируемых в статье, взяты из художественной литературы.

Цель нашей статьи – попытка сопоставить метафорическое употребление местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица ед. и мн. ч. в русском и эстонском языках. Уточним, что, например, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев делят случаи переносного употребления на две разновидности. С одной стороны, они выделяют транспозицию – это «использование форм 1-го и 2-го лица не в соответствии с прямым назначением и указание на участников коммуникации не при помощи прямых обозначений (т. е. местоимений 1-го и 2-го лица)». Сюда исследователи относят некоторые случаи переносного употребления форм лица в общении с маленькими детьми, например, говорящий говорит в 3-м лице о себе: *Мама сейчас занята, малыши* или об адресате: *Алешенька хочет яблочко?* К этому типу употребления Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев также относят т. н. «материнское мы» и «авторское мы». С другой стороны, они говорят о конвенциональном употреблении личных форм. Под этим понимается использование форм 2-го лица мн. ч. при выражении обобщенно-личного и неопределенно-личного значений, а также при вежливом обращении, в котором существительное или полное прилагательное требует формы ед. ч., а глагол или краткое прилагательное – мн. ч. (ср. *Вы – моя лучшая подруга* и *Вы были правы*) [Булыгина, Шмелев 1997, 328–330]. Сразу отметим, что в исследовании мы не будем рассматривать вышеуказанные случаи раздельно. Кроме того, в материал для анализа не включены примеры, в которых выражается обобщенно-личное⁴ (афоризмы, пословицы и поговорки) и неопределенно-личное значения⁵, мы полагаем, что их нельзя считать классическими случаями переносного употребления личных местоимений и соответствующих форм глагола. В обобщенно-личном значении могут употребляться все формы лица, однако ограничимся некоторыми примерами:

(6а) *Чье кушаю, того и слушаю.*

(6б) *Kelle leiba ma söön, selle laulu ma laulan.*

(7а) *Тише едешь, дальше будешь.*

(7б) *Tasa sõuad, kaugele jõuad.*

(8а) *Мы редко думаем о том, что имеем, но всегда беспокоимся о том, чего у нас нет.*

(А. Шопенгауэр)

(8б) *Me mõtleme harva selle üle, mis meil on, kuid oleme peaaegu alati mures selle pärast, mida meil pole.* (А. Schopenhauer)

Хотя все эти высказывания могут относиться к любому человеку, все же это обобщенное лицо подразумевает и того, кого маркируют определенной формой местоимения. Иначе говоря, слова *тише едешь, дальше будешь* могут быть адресованы кому угодно, в том числе и конкретному лицу, на что указывают формы 2-го лица ед. ч. в примерах (7а/б), т. е. можно и конкретному собеседнику сказать: *тише едешь, дальше будешь*. А в случае форм 1-го лица мн. ч. в примерах (8а/б) можно оправданно утверждать, что *мы* включает в себя и самого говорящего. В. В. Виноградов пишет: «В обобщенных сентенциях 1-е лицо множественного числа может означать неопределенную группу лиц, с которой говорящий объединяет себя в силу солидарности, общности характера или привычек» [Виноградов 2001, 378]. Ср., например, переносное употребление формы 1-го лица мн. ч. в вопросе врача (т. н. «докторское мы»): *Как мы себя сегодня чувствуем?* Или т. н. «материнское мы»: *В 2 ме-*

³ Напомним, что под этим явлением имеется в виду ситуация, когда одна форма встречается в контексте, типичном для другой формы, при этом не отменяется ее грамматическое значение. Форму, употребляемую переносно, можно заменить другой формой в прямом употреблении [Бондарко 1971, 173].

⁴ Об обобщенности лица см. подробнее [Лаврентьев 2009, 35–40; Кирвесмяки 2010; Золотова и др. 2004, 119–121].

⁵ Обобщенно-личное значение и неопределенно-личное значение местоимений рассматривается разными авторами по-разному, например, М. А. Шелякин [1986, 22] называет это «нейтрализованным употреблением местоимений», Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев [1997, 321] говорят о «нулевых вариантах местоимений».

сяца стали переворачиваться, в 5 месяцев **имеем 2 зуба** (Babyblog.ru). В обоих предложениях *мы* не обозначает говорящего + еще кого-либо, поскольку врача интересует не его личное самочувствие, а самочувствие пациента. И взрослый человек вряд ли будет хвастаться тем, что умеет переворачиваться и имеет два зуба. К тому же в этих случаях существует возможность выразить ту же мысль без переносного употребления грамматических форм, так доктор может спросить у пациента: *Как ты / вы себя чувствуешь / чувствуете?*, а мать может, рассказывая о своем ребенке, использовать форму 3-го лица ед. ч. – *В 2 месяца он / она стал / стала переворачиваться, в 5 месяцев имеет 2 зуба*.

Так как в нашей предыдущей статье уже приводился обзор исследований как эстонских, так и зарубежных лингвистов [Купп-Сазонов 2020, 34], посвященных личным местоимениям и их употреблению, мы не будем здесь повторять эту информацию и перейдем сразу к анализу примеров. Необходимо отметить, что в анализируемом материале встречаются и примеры без личных местоимений. В некоторых случаях говорящий может вставить их в предложение, см. примеры 12а, 13а, хотя необходимости в этом нет, так как значение обобщенности и повторяемости действия выражается и без них. В других же случаях переносного употребления личные местоимения в контексте не допускаются (см. примеры 28а, 29а). Если в эти предложения вставить местоимение 3-го лица ед. ч., то переносное употребление грамматических форм исчезает, местоимения 3-го лица ед. ч. приобретают свое первичное значение, указывая на принадлежность действия не участнику коммуникативного акта.

2. Переносное употребление форм 1-го лица единственного числа

В отличие от других форм лица, 1-е лицо ед. ч., как правило, не употребляется переносно. Нам удалось найти лишь один случай (его выделил М. А. Шелякин [2001, 112]), который условно можно отнести к метафорическому употреблению этой грамматической формы. Здесь мы имеем дело с особым случаем, так как требуется определенная конструкция:

в рус. яз. **я** + **тебе/те** или **вам** + глагол СВ буд-наст. вр. 1-го лица ед. ч.

в эст. яз. **ma** + **sul** или **teil** (адессив) + глагол наст. вр. 1-го лица ед. ч.

Существенно то, что в подобных предложениях употребление местоимений является обязательным. Цель таких высказываний – выразить угрозу и запрет совершить какое-то действие. См. примеры (9а/б), (10а/б).

Немногочисленные примеры доказывают, что вместо формы *тебе* в высказывании может быть употреблено также *вам*, см. пример (11). Так как официального эстонского перевода нет (роман М. Бубеннова «Белая береза» переведен на эстонский язык не целиком), нельзя с полной уверенностью сказать, какую форму выбрал бы переводчик, однако языковое чутье носителя языка допускает дословный перевод русской конструкции: *Я вам поболтаю!* – *Ma teil lobisen!*

Более частотными являются все же предложения с местоимением *тебе*, может быть, оно просто лучше «сочетается» со значением угрозы и категорического запрета.

(9а) **Я тебе подумаю**, прибавил он тоненьким голосом, принимаясь стегать правую пристяжную. (И. Тургенев)

(9б) “**Ma sul mõtlen**” *lisas ta peene häälega, andes parempoolsele külghobusele piitsa.*

(10а) Они сели на ступеньках. Дверь из комнаты тихо скрипнула.

– Васька! Засеку! **Я тебе подслушаю!**

Дверь быстро закрылась. (Н. Островский)

(10б) *Nad istusid trepiastmeteale. Toauks kriuksatas tasa.*

“*Vaska! Annan naha peale! Küll **ma sul siin kuulatan!**”*

Uks sulgus ruttu.

(11) *Задыхаясь, как пес на поводке, Чернявкин выбежал к дороге, с криком и руганью разогнал женщин по своим местам:*

– **Я вам поболтаю!** Я вам, твари, покажу!

Женщины больше не собирались толпой, но Чернявкин вскоре заметил: они и не работали как следует. (М. Бубеннов)

Для того, чтобы выразить ту же мысль без переносного употребления, недостаточно просто заменить форму лица глагола, как это обычно бывает в случае метафорического употребления. Например, вопрос официанта: *Что будем заказывать?* несложно переделать в предложение: *Что вы будете заказывать?* Однако вышеприведенные примеры нуждаются в более сложном изменении конструкции – кроме собственно форм лица нужно заменить наклонение (вместо изъявительного необходимо использовать повелительное), а во избежание значения предостережения – еще и видовую форму глагола, например:

Я тебе подслушаю! → *Не подслушивай!*

Ma sul kuulau pealt! → *Ära kuula pealt!*

Такое переносное употребление формы 1-го лица ед. ч. встречается и в эстонских оригинальных текстах, хотя в Национальном корпусе эстонского языка 2019 [ЕКÜК 2019] поиск дает результаты только из публицистических текстов. Например, предложение *“Ma sul tukastan!”* (*Я тебе подремлю!*) взято из газетной статьи, посвященной трагедии в Курксе (при преодолении залива Курксе утонуло или умерло от гипотермии 14 эстонских солдат). В статье выживший рассказывает, как один солдат от усталости и холода сказал ему: *“Ma natuke tukastan”* (*Я немного подремлю*). И на это он ответил *“Ma sul tukastan!”* (*Я тебе подремлю!*) и даже ударил своего товарища, чтобы тот не заснул, и, к счастью, они выжили [Suviste 2007].

3. Переносное употребление формы 2-го лица единственного числа

3.1. 2-е лицо ед. ч. заменяет 1-е лицо ед. ч.

Форма 2-го лица ед. ч. употребляется вместо 1-го лица ед. ч. при описании повторяющихся действий, при этом происходит обобщение собственного опыта говорящего. Это наблюдается также в предложениях, выражающих возможность или необходимость наступления действия [Шахматов 1925, 73]. Следует отметить, что по поводу такого употребления 2-го лица ед. ч. среди лингвистов нет единогласия. Например, А. А. Шахматов относит его также к числу неопределенно-личных значений формы, обосновывая это тем, что «говорящий повествует о настолько обычных и повторяемых явлениях, что не исключает возможности того, что их переживали и другие» [Шахматов 1925, 57]. С другой стороны, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев [1997, 333], а также В. В. Химик [1990, 55] видят здесь обыкновенный случай транспозиции, т. е. переносное употребление формы. Любопытную точку зрения выражает Ю. П. Князев, который различает две разновидности на основе повторяемости / единичности описываемых событий. Во-первых, он выделяет обобщенно-личное значение формы 2-го лица ед. ч., хотя признает, что описываемые повторяющиеся события «могут происходить только с одним человеком; в данном случае – говорящим» [Князев 2014, 331]. Другая (до него не выделявшаяся) разновидность также приписывает все действия говорящему, однако они происходят однократно, т. е. нет повторяемости [Князев 2014, 333]. С точки зрения нашего исследования, такое деление не является существенным, так как главный момент – *ты* заменяет *я* – имеет место в обоих случаях.

Предложено несколько интерпретаций замены 1-го лица формами 2-го лица ед. ч. В частности, А. А. Шахматов говорит о том, что таким образом представляется внутренняя речь говорящего с самим собой и «картина прошлого воскрешается перед мысленным взором самого говорящего, обращающегося к себе, как ко 2-му лицу» [Шахматов 1925, 73; 463]. Е. В. Падучева утверждает, что «в семантику этого употребления входит компонент 'я хочу, чтобы ты поставил себя на мое место и представил себе, что все, что я говорю про себя, происходит как бы с тобой самим'» [Падучева 1996, 213].

(12а) *От утра до ночи все на ногах, покою не знаю, а ночью лежишь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили.*

(А. Чехов)

(12б) *Hommikust õhtuni ikka jalul, ilmaski pole mul rahu, öösel aga lebad teki all ja kardad, et sind haige juurde võidakse viia.*

(13а) *Идешь вдоль опушки, глядишь за собакой, а между тем любимые образы, любимые лица...* (И. Тургенев)

(136) *Lähed mööda metsaserva, vaatad koerale järele, aga vahepeal meenuvad armsad kujud ja näod...*

(14a) *Вспоминается мне урожайный год. /.../ На ранней заре, когда еще кричат петухи и по-черному дымятся избы, **распахнешь**, бывало, окно в прохладный сад, наполненный лиловатым туманом, сквозь который ярко блестит кое-где утреннее солнце, и **не утерпишь** – **велишь** поскорее заседлывать лошадь, а сам **побежишь** умыться на пруд.* (И. Бунин)

(146) *Mulle meenub selline saagirohke aasta. /.../ Koidikul, kui alles kirevad kuked ja valgustamata akendega tarede korstnatest tõuseb suitsu, **avad** akna jahedasse, lillaka uduga täidetud aeda, kus läbi udu kohati särab heledasti hommikune päike; ei kärsi kauem toas püsida – **käsid** kähku hobuse saduldada, ise aga **jooksed** tiigi äärde pesema.*

В то же время бывает, что эстонский переводчик не сохраняет переносное употребление формы лица и повествование продолжается от 1-го лица, см. пример (15б). Такое переводческое решение непросто объяснить. Причина может заключаться в том, что в конце предыдущего предложения четко выражена форма 1-го лица, переход ко 2-му лицу представляется переводчику слишком резким, и он опасается, что читатель не поймет, о ком идет речь.

(15a) *Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда **стоишь** на горе, так **тебя** и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела.* (А. Островский)

(15б) *Tead, mõnikord **mulle** tundub, et **ma olen** lind. Kui **seisan** mäe otsas, kohe nagu kisub lendu. **Mõiten**, et kui pistaks jooksmata, tõstaks käed üles ja tõuseks õhku.*

3.2. 2-е лицо ед. ч. заменяет 2-е лицо мн. ч.

Замена 2-го лица мн. ч. 2-м лицом ед. ч. в формах повелительного наклонения встречается в контекстах, в которых группе лиц дается приказ, В. В. Химик определяет это как «ситуацию побуждения» [Химик 1990, 57]. В зависимости от конкретных обстоятельств команда может иметь более мягкий или более строгий характер. А. А. Потебня утверждает, что употребление формы 2-го лица ед. ч. вместо формы 2-го лица мн. ч. «увеличивает силу повелительного наклонения» [Потебня 1977, 218]. По мнению лингвистов, это метафорическое употребление формы 2-го лица ед. ч. обладает некоторыми характеристиками, в частности, ограничивается разговорной речью и просторечием [Гвоздев 1958, 307] и имеет «фамильярно-грубоватую окраску» [Грамматика... 1960, 499]. В. В. Виноградов определяет его даже как «фамильярное огрубление» [Виноградов 2001, 481]. С последним утверждением сложно полностью согласиться, по крайней мере, с точки зрения эстонского языка, где вышеупомянутое переносное употребление встречается также в общении с маленькими детьми.

На основе анализа материала можно выделить три основных контекста для такого переносного употребления формы 2-го лица ед. ч.

Во-первых, в армии (или в похожей обстановке, когда кто-то, имея более высокий статус, дает приказы остальным) – допускается в обоих языках, однако в русском языке является более частотным. Кроме того, в эстонском языке существует определенное ограничение – подобная замена невозможна, если в предложении имеется прямое обращение к адресату с помощью существительного или местоимения множественного числа (см. примеры (18б) и (19б)).

(18a) *Размахивая говорною трубою и срывая голос, он закричал пушечной прислуге и всем обращенным к нему загоревшим юным веселым лицам: – **Слушай** мою команду!* (Ю. Герман)

(18б) *Kõnetoruga vehkides ja häält ära karjudes hüüdis ta suurtükimeeskonnale ja kõigile tema poole pööratud nooruslikele päevitanud ja lõbusatele nägudele: „**Kuula** minu käsklust!“*

(17a) – ***Посторони-и-и-ись!** – орут грузчики, тараня шевелящуюся толпу громоздкими тележками...* (Г. Яхина)

(17б) *“**Hoia eemale!**” karjusid laadijad, ajades liikuvale rahvahulgale otsa raskeid kärusid...*

(18a) – *Сторонись, сторонись, земляки, генерал идет!* (В. Гаршин)

(18б) “*Astuge kõrvale, astuge kõrvale, poisid, kindral tuleb!*”

(19a) – *Нечего делать, ломай дверь, ребята.* (Н. Чернышевский)

(19б) *Pole midagi parata, murdke uks lahti, poisid!*“

Во-вторых, в спорте, в частности на групповых тренировках, когда тренер приказывает нескольким людям выполнять какое-либо упражнение⁶. Создается впечатление, что такое переносное употребление допускается только в эстонском языке, в русском языке (например, на видеотренировках на Youtube) тренеры предпочитают формы 2-го лица мн. ч. в повелительном наклонении либо формы 1-го лица мн. ч. в изъявительном наклонении.

(20a) *Tõsta käed üles ja jätkka marssimist.*

(Букв. *Поднимай руки и продолжай маршировать.*)

(20б) *Поднимайте руки и продолжайте маршировать.*

(20в) *Поднимаем руки и продолжаем маршировать.*

В-третьих, с (маленькими) детьми. Здесь такая же асимметричная ситуация как в вышеупомянутом случае, а именно – переносное употребление допускается в эстонском языке и не используется в русском. Например, в детском саду можно наблюдать ситуацию, когда дети окружают воспитательницу, та старается объяснить правила игры, но дети разговаривают между собой и не обращают на ее слова никакого внимания, и тогда воспитательница может сказать: *Tule lähemale ja kuula, mis ma räägin!* (*Подойди ближе и послушай, что я говорю!*), имея при этом в виду не одного ребенка, а сразу целую группу детей.

4. Переносное употребление формы 3-го лица единственного числа

4.1. 3-е лицо ед. ч. заменяет 1-е лицо ед. ч.

Для этого метафорического употребления характерно отсутствие местоимения в высказывании, вместо него говорящий использует существительное и глагольные формы 3-го лица.

Наблюдается несколько контекстов, где подобная замена допустима.

Во-первых, 3-е лицо употребляется вместо 1-го лица в общении с детьми, когда взрослый (мать, отец, бабушка и др.) разговаривая с ребенком, говорит о себе в 3-м лице. В следующих примерах говорящий таким образом описывает свое действие ребенку.

(21a) *Подожди, сыночек, мама завяжет тебе шнурки.*

(21б) *Oota, poja, emme seob sul kingapaelad kinni.*

(22a) *Папа сейчас нальет тебе молочка и даст печенье.*

(22б) *Issi kallab sulle kohe piima ja annab küpsist.*

Помимо этого, сами дети часто говорят о себе в 3-м лице⁷, это скорее всего, связано с тем обстоятельством, что взрослые нередко обращаются к ребенку в 3-м лице (см. об этом подробнее в разделе 4.2.).

Во-вторых, в научном стиле формы 3-го лица могут заменять формы 1-го лица. Если в научных трудах на русском языке преобладает т. н. «авторское мы», то в эстонском языке частотным приемом для прибавления большей объективности является употребление 3-го лица вместо 1-го. Например: *Selle artikli/raamatu/magistritöö autor arvab/eeldab/analüüsib/järeldeb...* (*Автор этой статьи/книги/магистерской работы считает/полагает/анализирует/приходит к выводу...*).

4.2. 3-е лицо ед. ч. заменяет 2-е лицо ед. ч.

Употребление форм 3-го лица вместо форм 2-го лица может иметь очень разные цели, которые зависят от ситуации и, прежде всего, от отношения говорящего к адресату. При этом могут выражаться совершенно противоположные чувства.

С одной стороны, таким образом говорящий может проявлять недовольство и пренебрежение к собеседнику.

⁶ На самом деле, обращение на *ты* наблюдается также тогда, когда тренер проводит тренировку в телепередаче и телезрители могут участвовать в ней, находясь у себя дома.

⁷ «Говорить о себе в первом лице ребенок, как правило, начинает после кризиса трех лет. Именно к этому возрасту малыш впервые понимает, что он – это именно он, и начинает избавляться от форм 3-го лица» [Дахалаева 2013].

(23a) – Ну, хоть подними же, что уронил, а он еще **стоит** да **любуется!** (И. Гончаров)

(23b) “Noh, võta vähemalt üles, mis sa maha pillasid; **ta** veel **seisab** ja **vaatab!**”

(24a) – Слышал, шлёндра? – яростно кашлял отец на Сережку. – Ей-богу, возьму да выдеру кнутом. Немцы в городе, а он **шлендрает** где ни попало. (А. Фадеев)

(24b) “Kuulsid, logard!” pöördus isa raevukalt kõhides Serjožka poole.

“Jumala eest, võtan kätte ja soen su niudiga läbi! Sakslased on linnas, aga **tema hulgub ringi.**”

С другой стороны, говорящий может прибегать к такому переносному употреблению форм лица для выражения глубокого уважения [Erelt 1990, 38]. В таких высказываниях вместо местоимений употребляются существительные (часто это обращение: *peremees* / хозяин, *härра* / господин, *барин*, *proia* / госпожа, *poortees* / молодой человек, *peiu* / девушка и пр.).

(25a) *Aidamees kõndis koju. Väravas ootas teda juba uus kratt, käpp kõrva juures nagu soldatil, tühjadedest munakoortest tehtud silmad punnis “Mida peremees **käisib?**” uuris ta. “Too hakatuseks mulle kott kulda!” käskis aidamees ja haigutas.* (А. Кивиряхк)

(25b) *Амбарицк пошел домой. В воротах его уже поджидал новый домовик – лапа, как у солдата, под козырек, глаза из пустых яичных скорлупок, выпучены.*

– Что хозяину угодно приказать? – осведомился он.

– Для начала принеси-ка мне мешок золота! – приказал амбарицк и зевнул.

(26a) *Isa ütles: „Härral ei ole maakeel vist päris selge. Härra **tahtis** ütelda, et **tahab** võtta minu tütre omale litsiks. Aga selleks isa nõusolekut ei küsita.”*

„Eeei!” hüüdis härra Bock... (Я. Кросс)

(26b) *Отец сказал: – Господин, наверно, не совсем хорошо **знает** эстонский язык. Господин хотел сказать, что **желает** взять мою дочь, чтобы сделать ее своей б... На это согласия у отца не спрашивают.*

– Да нет же, нет! – воскликнул господин Бок...

(27) *Шептульский отшатнулся, чтобы не выдать себя, и едва не столкнул развязную девицу, гулявшую по тому же коридору в самом развращенном виде.*

– **Не желает ли барин Шато Лафиту?** – поинтересовалась она.

– Ступай, ступай, – тихонько пробормотал филер, опасаясь лишнего внимания. (И. Лебедев)

Помимо этого, в обоих языках наблюдается использование формы 3-го лица ед. ч. при обращении к маленьким детям: *Сейчас Петя покушает и потом пойдет баиньки / Peeter sööb nüüd ja siis läheb tuttu.* По мнению американского лингвиста Р. Лангакера, это делается для того, чтобы не возникло непонимания со стороны ребенка, и он знал бы точно, к кому обращаются и о ком идет речь [Langacker 1985, 127–128].

4.3. 3-е лицо ед. ч. заменяет 1-е лицо мн. ч.

Формы 3-го лица ед. ч. могут употребляться вместо форм 1-го лица мн. ч. только в эстонском языке. Этот прием используется тогда, когда не совсем ясно, кто именно должен совершить определенные действия, о которых стороны между собой договариваются или говорящий почему-то не хочет называть это лицо [Lindström 2009, 107]. В подобных высказываниях нет местоимений, представлены только глагольные формы, указывающее на 3-е лицо ед. ч.

(28a) *Võtab (=võtame) siis järgmisel nädalal ühendust.*

(286) *Тогда свяжется (=свяжемся) на следующей неделе.

(29a) *Oleme kokku leppinud, teeb (=teeme) siis nii.*

(29b) *Договорились, поступит (=поступим) тогда так.

Хотя, считается, что чаще всего в таких случаях форма 3-го лица заменяет форму 1-го л. мн. ч., однако думается, что возможны и некоторые другие варианты. Например, говорящий может иметь в виду, что он сам свяжется с собеседником на следующей неделе (т. е. подразумевается 1-е лицо ед. ч.), или адресату намекают, что действие ожидается от него (т. е. форма 2-го лица ед. или мн. ч.).

5. Переносное употребление формы 2-го лица множественного числа

Кажется, что «самый известный» случай переносного употребления формы 2-го лица мн. ч. – это форма вежливости, которая очень часто встречается в обоих языках, как в письменной, так и в устной речи. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев утверждают даже, что «вежливое вы» – это особое местоимение в местоименной системе русского языка, так как оно обладает «особыми синтаксическими свойствами, отличными от «обычного», «множественного» вы. Поэтому его нельзя рассматривать просто как результат транспозиции «обычного» вы [Булыгина, Шмелев 1997, 331–332].

(30a) – *A простите... это ты... это вы... – он сбился, не зная, как обращаться к кому, на «ты» или на «вы», – вы – тот самый кот, что садились в трамвай?* (М. Булгаков)

(30b) „*Andestage, olid see...olite see...“ Tema jutt läks segi, sest ta ei teadnud, kuidas kassi poole pöörduda. „Kas olite teie see kass, kes tahtis trammiga sõita?“*

Более подробно о роли местоимений *vy/teie* в выражении вежливости см. [Štšadneva, Velman-Omelina 2016] и о различиях в употреблении вежливой формы в речи эстонцев и русских см. [Pajusalu и др. 2010].

В разговорной речи можно услышать еще одно метафорическое употребление формы 3-го лица мн. ч., в случае которого иногда бывает трудно определить, какая именно форма заменяется. Говорящий может обращаться к взрослому с маленьким ребенком словами: – *ого, как вы выросли!* / *какие вы хорошенькие!* и т. п., имея при этом в виду ребенка. Изменить переносное употребление на абсолютное можно двумя способами. Во-первых, говорящий может обратиться непосредственно к ребенку и сказать: – *ого, как ты вырос/ла!* / *какой/ая ты хорошенький/ая!* Во-вторых, слова говорящего могут быть адресованы взрослому, и тогда он употребит формы 3-го лица ед. ч.: – *ого, как он/она вырос/ла!* / *какой/ая он/она хорошенький/ая!*

Это переносное употребление встречается также в эстонском языке („*oi, kui suureks te olete kasvanud!* / *kui armsakesed te olete!*“), однако, думается, что намного реже чем в русском, как и в случае «материнского мы» [см. Купп-Сазонов 2020, 39–40].

6. Переносное употребление формы 3-го лица множественного числа

6.1. 3-е лицо мн. ч. заменяет 1-е лицо ед. ч.

Форма 3-го лица мн. ч. употребляется вместо формы 1-го лица ед. ч. для выражения авторитетности. В эстонском языке такое употребление не допускается и вместо этого используется специальная форма неопределенно-личного залога (имперсонала)⁸.

(31a) *Только одно плохо, – на него кричать нельзя. Мать попробовала как-то свое начать:*

– *Что тебе говорят, Иван! Раз я тебе сказала, ты должен исполнить немедленно...* (М. Пришвин)

(31b) *Ainult üks asi on halb – tema peale ei tohi häält tõsta. Ema proovib kord oma tavalisel moel: “Mis sulle räägitakse, Ivan! Ma ju ütlesin sulle, et käsud tuleb täita viivitamata...”*

(32a) – *А вы знаете, что вам за это будет? – Зыбин молчал. – Опустите штаны. Вот сейчас отсюда в карцер пойдете. /.../ Опустите штаны, вам говорят!* (Ю. Домбровский)

⁸ По-эстонски *umbisikuline tegumood* – «обозначает такое действие, субъект которого не назван в предложении, остается неопределенным, но он обязательно есть, как бы подразумевается» [Кюльмоя и др. 2003, 92].

(326) “*Kas te ka teate, mis teiega selle eest tehakse?*” (Zõbin vaikis.) “*Laske oma püksisäär alla. Lähete siit otseteed kartsa.*” /.../ „*Laske püksisäär alla, öeldakse teile!*”

6.2. 3-е лицо мн. ч. заменяет 3-е лицо ед. ч.

Употребление 3-го лица мн. ч. вместо 3-го лица ед. ч. выражает подобострастие, чрезмерное уважение в речи дореволюционной прислуги, чиновников и др. М. А. Шелякин отмечает, что в современном русском языке такое переносное употребление форм 3-го лица мн. ч. имеет иронический или шуточный характер (Шелякин 1986, 17).

(33а) ...Феня спросила барыню:

– *Что ж, барыня, разве они ночевать останутся?*

Да, постели ему на диване, – ответила Грушенька. (Ф. Достоевский)

(33б) ... küsis Fenja perenaiselt:

“*Kas nad jäävad siis ööseks siia, proua?*”

“*Jah, tee talle ase diivanile,*” vastas Grušenka.

(34а) – *Я их* месяца три знала, – прибавила Лиза.

– *Это ты про Васина говоришь их, Лиза? Надо сказать его, а не их. Извини, сестра, что я поправляю, но мне горько, что воспитанием твоим, кажется, совсем пренебрегли.* (Ф. Достоевский)

(34б) “*Tundsin neid umbes kolm kuud,*” lisas Liza.

“*Kas sa ütled Vassini kohta “neid”, Liza? Peab ütleva “teda”, aga mitte “neid”. Vabanda, et ma sind parandan, kuid nähtavasti on su kasvatus jäetud hooletusse.*”

Однако, анализируя разные примеры, можно заметить, что иногда говорящий прибегает к такому приему для выражения совершенно противоположных чувств – иронии, пренебрежения, даже презрения и т. п. См. пример (35а/б).

(35а) – *И свита эта требует места, – продолжал Воланд, – так что кое-кто из нас здесь лишний в квартире. И мне кажется, что этот лишний – именно вы!*

– *Они, они!* – козлиным голосом запел длинный клетчатый, во множественном числе говоря о Степе, – вообще они в последнее время жутко свинчат... (М. Булгаков)

(35б) “*Ja minu kaaskonnale on vaja ruumi,*” jätkas Woland, “*nii et keegi meist on siin korteris ülearune. Ja mulle näib, et ülearune olete just teie.*”

“*Nemad, nemad,*” mõkitas kitsehäälel ruudulises pintsakus kõrend, rääkides Stjopast mitmusel. “*Ja üldse sigatsevad nad viimasel ajal jubedalt...*”

Следует подчеркнуть, что довольно часто в эстонских переводах это переносное употребление не сохраняется и употребляются формы 3-го лица ед. ч. (пример (36б)). Можно предположить, что переводчики боятся «запутать» своего читателя, хотя это явление встречается и в эстонских оригинальных текстах, см. пример (37).

(36а) – *Душенька, Маргарита Николаевна, – умоляюще заговорила Наташа и стала на колени, – упрсите их, – она покосилась на Воланда, – чтобы меня ведьмой оставили... Мне господин Жак вчера на балу сделали предложение.* (М. Булгаков)

(36б) “*Kullakallis Margarita Nikolajevna,*” ütles Nataša ja heitis põlvili, “*paluge teda,*” ta piilus silmanurgast Wolandi poole, “*paluge teda, et mind nõiaaks jäetaks...Härra Jacques tegi mulle eile ballil ettepaneku*”.

(37) *Siis ilmus äkki Ludeke kohale, ta hingeldas ja ulatas väikese õllevaadi kummardades Melchiori poole. „Härrad tahtsid õllerüübet,” (= Господа захотели/пожелали пива) pomises ta.* (I. Hargla)

7. Выводы

На основе проведенного анализа можно прийти к следующим выводам. Во-первых, большинство случаев переносного употребления личных местоимений и соответствующих глагольных форм совпадают в эстонском и русском языках. При этом в обоих языках имеют место определенные ограничения, например, замена формы 2-го лица мн. ч. формой ед. ч. допускается в эстонском языке только тогда, когда в высказывании нет обращения во множественном числе, в русском языке оно не является препятствием. С другой стороны, в эстонском языке чаще наблюдаются ситуации, в которых это переносное употребление форм проявляется.

Во-вторых, существенные различия наблюдаются в двух случаях:

1) возможность замены формы 1-го лица мн. ч. формой 3-го лица ед. ч. существует только в эстонском языке;

2) соответствием переносного употребления русской формы 3-го лица мн. ч. вместо 1-го лица ед. ч. в эстонском языке является форма неопределенно-личного залога.

Любопытно, что несколько случаев переносного употребления форм лица встречается в общении с маленькими детьми. К похожему выводу пришла еще в 1977 г. американский лингвист Д. Уиллс [Wills 1977], которая выделила целых 11 случаев особого употребления форм лица глагола и местоимений, которые встречаются в речи взрослого с ребенком.

Перечень случаев метафорического употребления местоимений и глагольных форм, рассматриваемых в рамках нашей статьи, нельзя считать исчерпывающим, но мы стремились показать, что каждое личное местоимение допускает переносное употребление в обоих языках. Результаты нашего анализа представлены в таблице.

Переносное употребление форм лица в русском и эстонском языках

Форма	Употребление вместо формы	Русский язык	Эстонский язык
1-е л. ед. ч.	2-го л. ед. ч. или мн. ч.	+	+
2-е л. ед. ч.	1-го л. ед. ч.	+	+
	2-го л. мн. ч.	+	+
3-е л. ед. ч.	1-го л. ед. ч.	+	+
	2-го л. ед. ч. (значение недовольства)	+	+
	2-го л. ед. или мн. ч. (значение уважения)	+	+
	1-го л. мн. ч.	–	+
2-е л. мн. ч.	2-го л. ед. ч.	+	+
	2-го или 3-го л. ед. ч.	+	+
3-е л. мн. ч.	1-го л. ед. ч.	+	– (имперсонал)
	3-го л. ед. ч.	+	+

Поскольку различия в переносном употреблении форм лица в русском и эстонском языках могут вызывать некоторые трудности при изучении языка, а также в процессе перевода, эти особенности следует учитывать в переводческой деятельности, также в практике преподавания русского и эстонского языков как неродных.

ИСТОЧНИКИ

- Бубеннов М. С. Белая береза. М.: Гослитиздат, 1951. 324 с.
 Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Рассказы. М., 1980. 480 с.
 Бунин И. А. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. М.: Правда, 1956. 456 с.
 Гаршин В. М. Сочинения. М.–Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. 447 с.
 Гончаров И. А. Обломов. М.: Гослитиздат, 1958. 504 с.
 Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей. М.: Советский писатель, 1989. 715 с.
 Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. 798 с.

- Достоевский Ф. М.* Подросток. Берлин: Ладыжников, 1921. 740 с.
- Кивиряхк А.* Ноябрь, или Гуменщик. Tallinn: Aleksandra, 2008. 183 с.
- Кросс Я.* Императорский безумец. Таллинн: Ээсти раамат, 1987. 351 с.
- Лебедев И.* Метод римской комнаты. М.: Эксмо, 2019. 317 с.
- Национальный корпус русского языка.* 2003–2021. ruscorgora.ru (дата обращения: 27.11.2021)
- Островский Н. А.* Избранные пьесы. М.: Художественная литература, 1969. 462 с.
- Островский Н. А.* Как закалялась сталь; Рожденные бурей. М.: Московский рабочий, 1955. 580 с.
- Пришвин М. М.* Кашеева цепь. М.: Гослитиздат, 1960. 527 с.
- Тургенев И. С.* Записки охотника. М.: Правда, 1955. 384 с.
- Тургенев И. С.* Рудин. М.: Гослитиздат, 1948. 128 с.
- Фадеев А. А.* Молодая гвардия. М.: Художественная литература, 1966. 600 с.
- Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений. Т. XI. М.: Художественная литература, 1939. 744 с.
- Чехов А. П.* Пьесы. М.: Детская литература, 1969. 222 с.
- Яхина Г.* Зулейха открывает глаза. М.: АСТ, 2015. 508 с.
- Babyblog.ru.* URL: <https://www.babyblog.ru/user/nesterovavalentina02/117041> (дата обращения: 27.11.2021)
- Bulgakov M.* Meister ja Margarita. Tallinn, 1995. 335 с.
- Bunin I.* Isand San Franciscost. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1964. 172 с.
- Dombrovski J.* Tarbetu tarkuse teaduskond. Tallinn: Kupar, 1995. 456 с.
- Dostojevski F.* Nooruk. Tallinn: Eesti Raamat, 2021. 662 с.
- Dostojevski F.* Vennad Karamazovid. II osa. Tallinn: Varrak, 2016. 565 с.
- EKÜK 2019 = Eesti keele ühendkorpus 2019.* URL: <https://doi.org/10.15155/3-00-0000-0000-0000-08565L> (дата обращения: 27.11.2021)
- Fadejev A.* Noor kaardivägi. Tallinn: Eesti Raamat, 1974. 615 с.
- Garšīn V.* Jutustused. Tallinn: Eesti Raamat, 1966. 283 с.
- Gontšarov I.* Oblomov. Tallinn: Eesti Raamat, 1979. 495 с.
- Hargla I.* Apteeker Melchior ja Pilaatuse evangeelium. Pärnamäe: Raudhammas, 2019. 467 с.
- Jahhina G.* Zuleihha avab silmad. Tänapäev, 2017. 440 с.
- Kivirähk A.* Rehepapp ehk November. Varrak, 2000. 200 с.
- Kross J.* Keisri hull. Tallinn: Eesti Raamat, 1978. 350 с.
- Ostrovski N.* Tormi sünnitatud. Tallinn: Eesti Raamat, 1968. 224 с.
- Ostrovski N.* Äike. Tallinn: Eesti Raamat, 1973. 83 с.
- Prišvin M.* Kaštšei kütked. Tallinn: Eesti Raamat, 1986. 460 с.
- Suviste M.* Pääsenud sõdur: spordimehed läksid, nalja- ja napsumehed jäid // SL Õhtuleht. URL: <https://elu.ohtuleht.ee/245363/ol-arhiiv-24-aastat-kurkse-tragoodiast-paasunud-sodur-spordimehed-laksid-nalja-ja-napsumehed-jaid> (дата обращения: 27.11.2021)
- Tšehhov A.* Näidendid. Tallinn: Eesti Raamat, 1983. 285 с.
- Tšernõševski N.* Mida teha? Jutustusi uutest inimestest. Tallinn: Eesti Raamat, 1979. 415 с.
- Turgenev I.* Küti kirjad. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1959. 155 с.
- Turgenev I.* Rudin. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1960. 140 с.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабаев К. В.* О происхождении личных местоимений в языках мира // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 119–138.
- Бенвенист Э.* Природа местоимений // Общая лингвистика. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 285–291.
- Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971. 238 с.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки рус. культуры, 1997. 576 с.
- Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. Учебное пособие. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
- Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология М., 1958. 407 с.
- Голуб И. Б.* Стилистика русского языка: Учебное пособие. М.: Рольф; Айрис-пресс, 2002. 448 с.
- Грамматика русского языка.* В 2-х томах. Ред. В. В. Виноградов и др. М., 1960. 719 с.

Дахалаева Е. Ч. Лингвистический статус 3-го лица в рамках категории лица // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8420> (дата обращения: 27.11.2021)

Золотова и др. = Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 541 с.

Кирвесмяки А. Выражение обобщенно-личного значения в русском языке // Slavica Helsingensia. Vol. 38. Helsinki: University Print, 2010. 337 с.

Князев Ю. П. Обобщенно-личные употребления форм 2-го лица в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 10. Ч. 3. Ред. С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика. СПб.: Наука, 2014. С. 324–340.

Купп-Сазонов С. Кто такие загадочные мы в русском и эстонском языках? (о переносном употреблении форм 1-го лица множественного числа) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. №. 1. С. 34–44.

Кюльмоя и др. = Кюльмоя И., Вайгла Э., Соль М. Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003. 140 с.

Лаврентьев В. А. Значение обобщенности лица // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2009. № 3. С. 35–40.

Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. 464 с.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 4. Вып. 2. Глагол. М.: Просвещение, 1977. 406 с.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Акад. наук СССР, 1925–1927. 441 с.

Шелякин М. А. Русские местоимения (значение, грамматические формы, употребление): материалы по спецкурсу «Функциональная грамматика русского языка». Тарту: Тартуский государственный университет, 1986. 90 с.

Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 2001. 288 с.

Химик В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990. 180 с.

Erelt M. Kõneleja ja kuulaja kaudse väljendamise võimalusi eesti keeles // Keel ja Kirjandus. 1990. Vol. 1. Lk. 35–39.

Langacker R. Observations and speculations on subjectivity // Iconicity in syntax. John Haiman (Ed.). Typological Studies in Language. Vol. 6. Stanford: John Benjamin publishing Comp., 1985. P. 109–150.

Lindström L. Kõneleja ja kuulajale viitamise vältimise strateegiad eesti keeles // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2009. Vol. 55. Lk. 88–118.

Pajusalu u dr. = Pajusalu R., Vihman V., Klaas B., Pajusalu K. Eestlaste ja venelaste suhtluskäitumine: sina, teie ja keegi veel // Eesti rakenduslingvistika ühingu aastaraamat, 6. Tallinn: Eesti keele sihtasutus. 2010. Lk. 207–224.

Štšadneva V., Velman-Omelina J. Viisakusevormidest eesti- ja venekeelsetes ametlikes paralleeltekstides // Lähivõrdlusi. Lähivertailuja. 2016. Vol. 26. Lk. 481–500.

Wills D. D. Participant deixis in English and baby talk // Talking to Children. Cambridge: Univ. press, 1977. P. 271–298.

Поступила в редакцию 08.02.2023

Сире Купп-Сазонов
доктор философии (PhD), лектор
Институт иностранных языков и культур
Тартуский университет
51003, Эстония, г. Тарту, ул. Лосси, 3
E-mail: sirje.kupp-sazonov@ut.ee

S. Kupp-Sazonov

ON THE METAPHORICAL USE OF PERSONAL PRONOUNS AND VERB FORMS IN ESTONIAN AND RUSSIAN

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-474-487

The article is devoted to the metaphorical use of personal pronouns and their respective verb forms in Russian and Estonian. In Russian and Estonian the systems of personal pronouns are quite similar, however their metaphorical use is not identical in these languages. While most cases of the metaphorical use of personal pronouns and related verb forms are nonetheless the same in Estonian and Russian, one can still point out some minor dissimilarities.

Significant differences appear in two cases:

- 1) the possibility of replacing the 1st person plural form with the 3rd person singular form exists only in Estonian;
- 2) the use of the 3rd person plural form instead of the 1st person singular form in Russian requires a completely different grammatical choice in Estonian: a form of impersonal voice.

It is curious that several cases of the metaphorical use of personal pronouns and verb forms appear in communication with young children. The list of cases of the metaphorical use of pronouns and verb forms analysed in this paper cannot be considered exhaustive, however it should demonstrate that every personal pronoun can be used metaphorically in Russian and Estonian.

Nevertheless, it is important to keep all these differences between languages in mind when teaching or translating.

Keywords: pronouns, person, number, metaphorical use, translation, Russian, Estonian.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 4, pp. 474–487. In Russian.

REFERENCES

- Babaev K. V.** O proiskhozhdenii lichnykh mestoimenii v yazykakh mira [On the origin of personal pronouns in world's languages]. *Voprosy yazykoznaniiya*. [Topics in the study of language nature of pronouns]. 2009, no 4, pp. 119–138. In Russian.
- Benvenist E.** Priroda mestoimenii [The nature of pronouns]. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, pp. 285–291. In Russian.
- Bondarko A. V.** *Vid i vremya russkogo glagola* [Aspect and tense of Russian verb]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 238 p. In Russian.
- Bulygina T. V., Shmelev A. D.** *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Language conceptualization of the world. (Based on Russian grammar)]. Moscow, Yazyki rus. kul'tury Publ., 1997. 576 p. In Russian.
- Dakhalaeva E. Ch.** Lingvisticheskiy status 3-go litsa v ramkakh kategorii litsa. [Linguistic Status of the 3rd Person in the Category of Grammatical Person]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. [Modern Problems of Science and Education]. 2013, vol. 1. In Russian. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8420> (accessed 27 November 2021).
- Erelt M.** Kõneleja ja kuulaja kaudse väljendamise võimalusi eesti keeles — *Keel ja Kirjandus*, 1990 vol. 1, pp. 35–39. In Estonian.
- Gvozdev A. N.** *Sovremenniy russkii literaturny yazyk. Ch. 1. Fonetika i morfologiya*. [Modern Russian Literary Language. Part I. Phonetics and Morphology]. Moscow, 1958. 407 p. In Russian.
- Golub I. B.** *Stilistika russkogo yazyka: Uchebnoe posobie*. [Russian Stylistics: Study Guide]. Moscow, Rol'f; Airis-press Publ., 2002. 448 p. In Russian.
- Grammatika russkogo yazyka. V 2-kh tomakh*. [Russian grammar. In 2 volumes]. Ed. V. V. Vinogradov. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1960, 719 p. In Russian.
- Khimik V. V.** *Kategoriya sub"ektivnosti i ee vyrazhenie v russkom yazyke* [The Category of Subjectivity and its Expression in the Russian Language]. Leningrad, Leningrad University Print, 1990, 180 p. In Russian.
- Kirvesmyaki A.** *Vyrazhenie obobshchenno-lichnogo znacheniya v russkom yazyke. Slavica Helsingensia* 38 [Expressing generalized-personal meaning in Russian. Slavica Helsingensia 38]. Helsinki University Print, 2010. 337 p. In Russian.
- Knyazev Yu. P.** Obobshchenno-lichnye upotrebleniya form 2-go litsa v russkom yazyke. [The generic use of the second person forms in Russian]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN. T. X. Ch. 3*. [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies.]. Ed. S. Yu. Dmitrenko, N. M. Zaika. St. Petersburg, Nauka publ., 2014, vol. X, part 3, pp. 324–340. In Russian.

Kupp-Sazonov S. Kto takie zagadochnye my v russkom i estonskom yazykakh? (o perenosnom upotreblenii form 1-go litsa mnozhestvennogo chisla) [Who is that mysterious we in Russian and Estonian? (On the metaphorical use of 1st person plural forms)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2020, no 1, pp. 34–44. In Russian.

Kyul'moya I., Vaigla E., Soll' M. *Kratkii spravochnik po kontrastivnoi grammatike estonskogo i russkogo yazykov* [Quick Reference Guide to Contrastive Grammar of Estonian and Russian]. Tartu, Tartu University Press, 2003. 140 p. In Russian.

Langacker R. Observations and speculations on subjectivity — *Iconicity in syntax*. John Haiman (Ed.), 1985, pp. 109–150. In English.

Lavrent'ev V. A. Znachenie obobshchennosti litsa [Meaning of generalization of person]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University]. Series: Russkaya filologiya. 2009, no 3, pp. 35–40. In Russian.

Lindström L. Kõnelejale ja kuulajale viitamise vältimise strateegiad eesti keeles — *Emakeele Seltsi aastaraamat*, 2009, vol. 55, pp. 88–118. In Estonian.

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa*. [Semantic Research: Semantics of Tense and Aspect; Semantics of Narrative]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1996. 464 p. In Russian.

Pajusalu R., Vihman V., Klaas B., Pajusalu K. Eestlaste ja venelaste suhtluskäitumine: sina, teie ja keegi veel – *Eesti rakenduslingvistika ühingu aastaraamat*, 6. Tallinn, Eesti keele sihtasutus, pp. 207–224. 2010. In Estonian.

Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike. T. IV. Glagol* [From notes on Russian grammar. Part IV. The verb]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977. 406 p. In Russian.

Štšadneva V., Velman-Omelina J. Viisakusevormidest eesti- ja venekeelsetes ametlikes paralleeltekstides – *Lähivõrdlusi. Lähivertailuja*, 2016, vol. 26, pp. 481–500. In Estonian.

Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. Leningrad, Akad. nauk SSSR Publ., 1925–1927. 441 p. In Russian.

Shelyakin M. A. *Russkie mestoimeniya (znachenie, grammaticheskie formy, upotreblenie): materialy po spetskursu 'Funktional'naya grammatika russkogo yazyka'* [Russian pronouns (meaning, grammatical forms, usage): materials on the special course 'Functional grammar of the Russian language']. Tartu, Tartu University Press, 1986. 90 p. In Russian.

Shelyakin M. A. *Funktional'naya grammatika russkogo yazyka* [Functional grammar of Russian language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001. 288 p. In Russian.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [The communicative grammar of Russian]. Moscow, 2004. 541 p. In Russian.

Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)*. [The Russian language: grammatical theory of the word. Study guide]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001. 720 p. In Russian.

Wills D. D. Participant deixis in English and baby talk — *Talking to Children*. 1977, pp. 271–298. In English.

Received 08.02.2023

Sirje Kupp-Sazonov

PhD, lecturer

Department of Translation and Interpretation Studies

Institute of Foreign Languages and Cultures

University of Tartu

3, Lossi st., Tartu, 51003, Estonia

E-mail: sirje.kupp-sazonov@ut.ee